

Профессоръ А. Гусевъ.

ОСНОВНЫЯ ПРАВИЛА

ВЪ

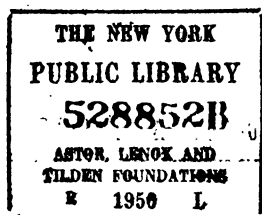
ПРАВОУЧЕНИИ ГРАФА Л. ТОЛСТОГО.

МОСКВА.

Типографія А. И. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій п., с. д.

1893.

ЕК

ALBANY REFORMING

Оттискъ изъ журнала:

«Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія»

за 1892 и 1893 годы.

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

Дозволено цензурою. Москва, 21 Января 1893 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТРАН.
Введеніє	1— 7
I. О непротивленіи злочу.	7— 72
II. О негнѣвлиности	72— 99
III. О бракорасторженіи	99—123
IV. О клятвѣ и присягѣ	123—147
V. О неосужденіи ближнихъ и объ юридическихъ судахъ	147—178
VI. О патриотизмѣ и войнѣ.	179—210
Заключеніє	210—212

LC FEB 27 1950

APPENDIX

1920

Основные правила въ правоученіи графа Л. Толстого.

ВВЕДЕНИЕ.

Задачею настоящаго сочиненія мы поставляемъ изложеніе и критическій разборъ основныхъ правилъ въ нравственно-соціальномъ ученіи графа Л. Н. Толстого. Правила эти суть слѣдующія: 1) не гнѣвайся, 2) не разрывай связи съ женщиною, съ которою разъ сошелся, 3) не клянись, 4) не судись и 5) не вой. Они сводятся къ одному болѣе общему и коренному правилу: *не противься злу*, и служатъ частнѣйшимъ раскрытіемъ и выраженіемъ его. На это не разъ указываетъ самъ же гр. Толстой ¹⁾.

Со времени выступленія этого писателя въ качествѣ проповѣдника особой нравственно-соціальной доктрины, послѣдняя потерпѣла нѣкоторыя, впрочемъ несущественныя, измѣненія, относящіяся собственно къ подробностямъ и вызывавшія послѣдовательнымъ развитіемъ основныхъ ея началъ. Правила же о непротивленіи злымъ и вытекающія изъ нихъ пять частнѣйшихъ правилъ не могли потерять и не потеряли доселѣ своего первостепеннаго значенія въ правоученіи гр. Толстого. Какую важность усвоалъ онъ имъ прежде, такую же долженъ усвоить и усвоитъ имъ и теперь. Отказаться отъ нихъ или понять ихъ иначе, чѣмъ онъ понимаетъ, значило бы для него, въ сущности, отказаться отъ

¹⁾ Стран. 12, 22 и друг. въ книгѣ: *Worin besteht mein Glaube.* (Leipzig, 1885 г.).

всего своего нравственно-соціального ученія. Последнее направлено *прежде всего* къ тому, чтобы ниспровергнуть всякіе наличные какъ частные и семейные, такъ государственно-общественные и международные порядки и отношенія. Наилучшее же средство къ достиженію этой разрушительной анархистской задачи гр. Толстой видитъ и долженъ видѣть, съ *своей* точки зрѣнія, въ неуклонномъ исполненіи пяти правилъ своего правоученія. Объ этомъ онъ весьма обстоятельно говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій ¹⁾. Впрочемъ, и безъ его разъясненій понятны тѣ разрушительныя послѣдствія, къ какимъ должно вести строгое и твердое выполненіе его пяти правилъ, понятныхъ въ духѣ его ученія. Возьмите, напр., правило: *никогда и ни на что не тѣвайся*. Равнодушное, чуждое всякаго негодованія и протеста, отношеніе наше къ людямъ, какъ бы они ни жили и что ни совершали бы, развѣ можетъ не вести къ радикальнымъ перемѣнамъ во всей нашей жизни и во всей жизни окружающихъ насъ людей? О какихъ-либо правахъ человека на что-либо, ему принадлежащее, о какихъ-либо обычныхъ порядкахъ жизни и о чемъ-либо священномъ и неприкосновенномъ въ сущности и рѣчи *не должно* быть тамъ, гдѣ воцарится это равнодушное отношеніе ко всѣмъ и ко всему. Или возьмемъ послѣдствія, къ какимъ неизбѣжно поведетъ выполненіе послѣдняго изъ правилъ гр. Толстого. Результатомъ проведенія въ жизнь этого правила должно быть совершенное отреченіе отъ родины, отъ своего народа, отъ всякой непосредственной защиты его, отъ приготовленія орудіи и способовъ защиты и т. д.

Вотъ почему гр. Толстой и усиливается, съ одной стороны, выставить эти правила въ качествѣ самаго главнаго и существеннаго содержанія ученія І. Христа, а съ другой—доказать, будто въ устахъ Спасителя они имѣли именно тотъ смыслъ, какой влагаешь въ нихъ самъ онъ. И въ своемъ сочиненіи—*Краткое изложенье евангелія*, и въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ онъ часто повторяетъ свою мысль, будто-бы главное содержаніе ученія І. Христа есть ученіе

¹⁾ Ibid. Стран. 275—287.

о томъ, чтобы мы никогда и ни на что не гнѣвались, ни въ какомъ случаѣ не допускали брачнаго развода, не клялись, не судились, не воевали, и вообще никогда не оказывали какого-либо насильственного сопротивленія злымъ людямъ. Въ *Краткомъ изложеніи евангелія* гр. Толстой влагасть въ уста Спасителя слѣдующія слова, якобы Имъ высказанныя: „Не думайте, что Я освобождаю васъ отъ закона. Я учу не освобожденію отъ закона, а исполненію его. Пока есть люди подъ небомъ, пребудетъ и законъ. Его тогда только не будетъ, когда люди сами собою будутъ поступать законно. И вотъ Я даю вамъ заповѣди закона. Вотъ эти заповѣди: не гнѣвайтесь и проч. ¹⁾ Въ томъ же самомъ сочиненіи гр. Толстой ложно представляетъ І. Христа говорящимъ ученикамъ Своимъ, между прочимъ, слѣдующее: „идите вы по разнымъ городамъ и вездѣ разглашайте исполненіе воли Отца въ *пяти* заповѣдяхъ“ ²⁾. Подобныхъ мѣстъ не мало можно было бы привести изъ этого сочиненія гр. Толстого. Въ сочиненіи—*Въ чемъ моя вѣра*—онъ, изложивши и по своему: изъяснивъ слова Спасителя касательно пяти заповѣдей, говорить, что главное содержаніе ученія І. Христа выражено именно въ нихъ ³⁾. Въ извѣстномъ письмѣ къ Энгельгарду онъ говорить о томъ же предметѣ вотъ что: „Въ нагорной проповѣди, которой если бы не было, не было бы и ученія Христа, изложены самыя простыя, легкія, понятныя правила приложенія любви къ Богу и ближнему, къ жизни, безъ признанія и исполненія которыхъ нельзя говорить о христіанствѣ. Подумаешь, нужно ли что-нибудь прибавить къ этимъ правиламъ для того, чтобы осуществить царство правды? Ничего не нужно. Подумаешь, можно ли отрицать одно изъ правилъ, чтобы не нарушилось царство правды? Нельзя. Если бы я ничего не зналъ изъ ученія Христа, кромѣ пяти правилъ, я и тогда былъ бы такимъ же христіаниномъ, какъ теперь“ ⁴⁾. Та-

¹⁾ Стран. 47—48 по литограф. изданію (Спб. 1890 г.).

²⁾ Ibid. Стран. 71.

³⁾ Стран. 44 и друг. въ *Worin besteht mein Glaube*.

⁴⁾ Стран. 132 въ моемъ сочиненіи: *Графъ Л. Н. Толстой, его истинная и ложно-новая вѣра* (Москва, 1890 г.).

ково возрѣніе гр. Толстого на значеніе пяти заповѣдей І. Христа.

Правила, имѣющія такую важность въ нравственно-соціальномъ ученіи гр. Толстого, заслуживаютъ возможно-обстоятельнаго разбора и по другой причинѣ. Во-первыхъ, заповѣди І. Христа о непротивленіи злымъ, о негнѣвливости и о тому подобномъ издавна понимались превратно многими, какъ заграничными, такъ и отечественными сектантами. Такъ, напримѣръ, у квакеровъ существовало строгое запрещеніе всякой, даже самой справедливой, самозащиты, клятвы, судебныхъ процессовъ всякаго рода, войны и тому подобнаго ¹⁾. Точно также вальденсы понимаютъ пять заповѣдей І. Христа буквально же и односторонне ²⁾. Изъ протестантскихъ сектантовъ Западной Европы нельзя не указать на анабаптистовъ и въ особенности на квакеровъ. Последніе до сихъ поръ въ преобладающемъ большинствѣ своемъ отвергаютъ всякую самозащиту съ оружіемъ въ рукахъ, присягу и суды ³⁾. Въ особенности же квакеры враждебно относятся къ войнѣ и къ военной службѣ. Изъ-подъ пера квакеровъ до сихъ поръ продолжаютъ выходить сочиненія, доказывающія совершенную непримиримость всякой войны съ христіанскими нравственными требованіями. Изъ отечественныхъ сектантовъ, наиболее близкихъ въ разсматриваемомъ отношеніи къ гр. Толстому, укажемъ прежде всего на духоборцевъ, разсужденія коихъ о непротивленіи злу, о негнѣвливости, о клятвѣ, о судахъ и о войнѣ не только весьма сходны, но не рѣдко прямо тождественны съ разсужденіями этого писателя ⁴⁾. Затѣмъ, къ духоборцамъ весьма близко подходятъ въ этомъ отношеніи молокане ⁵⁾. Наконецъ, нельзя не указать и на нашихъ многочисленныхъ штундистовъ. Пониманіе ими словъ Спасителя о непротивленіи злымъ и,

1) Стран. 278-го 2-мъ т. *Исторіи христіанской церкви* Робертсона и Гердона (переводъ А. П. Лопухина. Спб. 1891 г.).

2) Ibid. Стран. 288 и 293.

3) Ibid. Стран. 1172.

4) Стран. 64-я друг. въ сочиненіи Новицкаго о духоборцахъ.

5) Стран. 154-я друг. въ сочиненіи г. Юзова: *Русскіе диссиденты* (Спб. 1881 г.).

въ частности, о непнѣтельности близко къ повиманию этихъ словъ графомъ Толстымъ. Что же касается до клятвы, гражданскихъ судовъ и войны, то все это безусловно осуждается и зепрещается штундистской моралью ¹⁾. Впрочемъ, не одни явные сектанты, но и нѣкоторые изъ образованныхъ и даже ученыхъ представителей нашего такъ-называемаго свѣтскаго общества, именующіе себя православными христианами, не только склонны принимать, но и дѣйствительно раздѣляютъ — или отчасти, или сплозна — пониманіе пяти заповѣдей, свойственное гр. Толстому. Нѣкоторые случаи отказа этихъ лицъ то отъ присяги, то отъ участія въ судебномъ разбирательствѣ, то отъ военной службы не разъ оглашались въ нашихъ газетахъ. Много же такихъ случаевъ, несомнѣнно бывшихъ, остались и остаются неѣдомы читающей публикѣ вслѣдствіе тенденціознаго молчанія о нихъ нашей такъ-называемой свѣтской печати. Основныя правила морали гр. Толстого пропагандируются не имъ только и не одними явными сектантами, но и нѣкоторыми литераторами, повидимому, далекими по своему міровоззрѣнію отъ того и другихъ. Достаточно указать, съ одной стороны, на извѣстный тенденціозный разсказъ г. Лѣскова: *Бора*, а съ другой — на переведенный съ нѣмецкаго языка романъ Б. фонъ-Суттнаръ — *Противъ войны*, быстро разошедшійся и потребовавшій новаго изданія.

Въ виду всего этого представляется, полагаемъ, не излишнимъ войти въ возможно обстоятельный разборъ основныхъ правилъ въ правоученіи гр. Толстого, критически оцѣнить приводимые въ пользу ихъ доводы и показать какъ несостоятельность, такъ и вредъ этихъ правилъ. Каждое изъ нихъ рассмотримъ отдѣльно, начавши съ предполагаемаго всеми ими общаго правила о непротивленіи „злу или злымъ“, какъ выражается гр. Толстой. Первое изъ пяти частнѣйшихъ правилъ относится *преимущественно* къ личнымъ отношеніямъ между людьми, второе — *преимущественно* въ семейнымъ, третье и четвертое — къ государственнo-общественнымъ отношеніямъ, а послѣднее — *преимущественно*

¹⁾ Стран. 186 и друг. въ сочиненіи о. Рождественскаго: *Южнорусскій штундизмъ* (Сиб. 1889 г.).

къ международнымъ отношеніямъ. Въ такомъ порядкѣ и
зсмотримъ ихъ.

Во избѣжаніе же возможныхъ со стороны послѣдователей
и литературныхъ покровителей гр. Толстого упрековъ въ
неточной или неполной передачѣ нами мыслей и аргумен-
тациі его, почитаю своимъ долгомъ излагать ихъ обстоя-
тельно и собственными его словами вездѣ, гдѣ это будетъ
особенно нужно на нашъ взглядъ. Что же касается до прие-
мовъ, кои будемъ употреблять при критикѣ основныхъ пра-
вилъ нравоученія гр. Толстого, то эти приемы сами собою
указываются тѣмъ, чѣмъ самъ онъ оправдываетъ и дока-
зываетъ справедливость своего пониманія истиннаго смысла
этихъ правилъ и якобы благодѣтельнаго значенія ихъ для
человѣческой жизни. Требованіе же, чтобы мы обращались
только къ чисто раціональнымъ соображеніямъ и доводамъ,
опровергая гр. Толстого, и отнюдь не опирались на Свящ.
Писаніе и церковное ученіе, — какъ это требованіе было
предъявлено мнѣ *Русскимъ Богатствомъ* ¹⁾ по поводу бро-
шюры моей — „Любовь къ людямъ въ ученіи гр. Толстого и
его руководителей“, — считаемъ проявленіемъ совершеннаго
непониманія надлежащихъ и общеобязательныхъ приемовъ
всякой разумной и практичной полемики. Эти приемы по
своему характеру прежде всего должны соотвѣтствовать то-
му, какъ и чѣмъ обосновываются и доказываются тѣ или
другія положенія въ критикуемомъ ученіи. Графъ же Тол-
стой, — какъ это извѣстно всякому, читавшему его „бogo-
словско-философскія“ сочиненія, — съ *особенной* настойчи-
востью напираетъ на то, что не только главныя положенія,
но и большая часть подробностей его доктрины требуются
евангельскимъ текстомъ и выражаютъ подлинно-христіанское
ученіе. Какъ же можно съ основательностью и обстоятель-
но оспаривать гр. Толстого, не становясь и въ этомъ слу-
чаѣ на одну съ нимъ почву? Изъ того, что онъ — всетаки
раціоналистъ, слѣдуетъ законность лишь того требованія,
чтобы его критикъ старался разбить его преимущественно
на почвѣ чисто-раціональныхъ соображеній. Что касается

¹⁾ Стран. 128 и 129 въ библиографич. отдѣлѣ первой книжки за 1892-й годъ.

насъ, то мы во *всѣхъ* нашихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ гр. Толстого, старались посылно разрушить и рациональныя опоры его доктрины. Въ нѣкоторыхъ же изъ этихъ сочиненій мы отводили главное и самое широкое мѣсто приемамъ чисто рациональной полемики ¹⁾. По сколько нужно, не пренебрежемъ этими приемами и теперь.

I.

О непротивленіи злему.

Согласно намѣченному нами плану, прежде всего обратимся къ тому, какъ понимаетъ и на чемъ обосновываетъ гр. Толстой наиболѣе общее и коренное правило своей нравственно-соціальной доктрины. Сполна приведемъ относящіяся сюда мѣста изъ его сочиненія и изложимъ мысли и доводы его преимущественно собственными его словами, а затѣмъ критически рассмотримъ ихъ и установимъ болѣе правильную точку зрѣнія на заповѣдь нашего Спасителя о непротивленіи злымъ.

Мѣсто, говорить гр. Толстой, которое было для меня ключемъ всего, было мѣсто изъ V-й главы Маттея, ст. 38—39: *вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ, а Я говорю вамъ: не противься злу*. Мгновенно и въ первый разъ понялъ я этотъ стихъ прямо и просто. Хотя и прежде слова эти занимали и привлекали меня, но я видѣлъ въ нихъ такое требованіе терпѣнія и самоотверженія, которое просто противно человѣческой природѣ. Чувствова-

¹⁾ Недоумѣваемъ, какъ и почему не замѣтилъ рецензентъ *Русскаго Богатства*, что именно въ разбираемой имъ нашей брошюрѣ *преобладаютъ* чисто рациональныя соображенія и доводы? Онъ не обмолвился о нихъ *ни однимъ* словомъ. Не тѣмъ-ли это объясняется, что рецензенту хотѣлось бросить нарочито неинтересную тѣнь на нашъ трудъ, что ему желательно было „выгородить“ какъ нибудь гр. Толстого и что онъ, рецензентъ, видя силу нашихъ доводовъ и не имѣя возможности оспорить ихъ, рѣшился, въ интересахъ своего протѣже, оклеветать нашъ трудъ предъ читающей публикою? На эти вопросы едва ли возможенъ отрицательный отвѣтъ...

лось, что хорошо было бы слѣдовать имъ, но чувствовалось также, что я никогда не въ состояніи слѣдовать имъ только для того, чтобы слѣдовать, т. е. страдать. Прежде я говорилъ себѣ: подставляю я щеку, — меня ударятъ вторично; я все отдамъ, — все у меня и возьмутъ. Но вѣдь въ такомъ случаѣ я не буду имѣть никакой жизни, между тѣмъ какъ она дана мнѣ не напрасно же. Зачѣмъ же я долженъ губить ее? Этого не могъ хотѣть Христосъ. Раньше говорилъ я себѣ это, такъ какъ предполагалъ, будто-бы этими словами Христосъ восхваляетъ страданія и лишенія, восхваляя же преувеличиваетъ и потому выражается не точно и не ясно. Теперь же, понявъ слова: *не противьтесь злу*, ясно увидѣлъ я, что Христосъ не преувеличиваетъ и отнюдь не требуетъ страданій ради страданій. Мнѣ ясно стало, что то, что Онъ говоритъ, говоритъ очень опредѣленно и понятно. Онъ говоритъ: не противьтесь злу; дѣлая-же это, напередъ знайте, что могутъ найтись люди, которые, ударивши васъ въ правую щеку, ударятъ васъ и въ лѣвую, если вы не окажете никакого сопротивленія; воспользовавшись одной вашей работою, заставятъ еще больше работать на себя; будутъ брать у васъ безъ возврата то или другое. И вотъ, когда все это будетъ происходить съ вами, вы все-таки не противьтесь злу. Тѣмъ, которые будутъ бить и обижать васъ, вы все-таки дѣлайте добро. И послѣ того, какъ я понялъ эти слова въ ихъ подлинномъ смыслѣ, для меня тотчасъ стало яснымъ, что доселѣ было темно, а казавшееся преувеличеніемъ сдѣлалось вполнѣ точнымъ. Въ первый разъ понялъ я, что центръ тяжести всей мысли лежитъ въ словахъ: *не противьтесь злу*, а послѣдующее есть лишь разъясненіе этого положенія. Я понялъ, что Христосъ отнюдь не требуетъ, чтобы мы, только ради страданій, подставляли щеку и отдавали верхнюю одежду, но что Онъ требуетъ, чтобы мы лишь не сопротивлялись злу, и замѣчаетъ, что при этомъ мы, быть можетъ, будемъ и страдать. Точно также отецъ, предъ отправленіемъ своего сына въ дальнее путешествіе, не повелѣваетъ ему проводить ночи безъ сна, голодать, забнуть, мокнуть, говоря: „иди своей дорогою, и если ты долженъ будешь перенести холодъ и

дождь, все-таки иди дальше". Христосъ не говорить: подставляйте щеки, страдайте; но Онъ говорить: не противьтесь злу; и, хотя бы васъ били, не противьтесь злу. Понять слова: не противьтесь злу, или злему, въ ихъ истинномъ смыслѣ, для меня значило найти ключъ, который *все* открылъ. Какъ я только сталъ понимать эти слова просто и прямо, какъ они сказаны, тотчасъ во *всемъ* ученіи Христа, не только въ нагорной проповѣди, но и во *всѣхъ* евангеліяхъ, для меня стало понятнымъ *все*, что представлялось противорѣчивымъ, а главное—ясна стала необходимость того, что казалось бесполезнымъ ¹⁾.

Понявши простой смыслъ Христова ученія,—резонируетъ гр. Толстой,—я ясно увидѣлъ странное противорѣчіе съ самими собою, въ которомъ мы находимся. На дорогѣ къ этому ученію стоятъ человѣческіе кумиры, отъ которыхъ должно отречься. Напрасно говорить, будто христіанское ученіе касается личнаго спасенія, а не касается вопросовъ общественныхъ, государственныхъ. Это не болѣе, какъ смѣлое и голословное утвержденіе самой очевидной неправды, которая разрушается при первой серьезной мысли объ этомъ. Хорошо, я не буду противиться злу, подставляю щеку, какъ частный человѣкъ,—говорю я себѣ; но идетъ непріятель, или угнетаются одни народы другими, и меня призываютъ участвовать въ борьбѣ со зломъ,—идти и убивать. Меня заставляютъ присягать на Евангеліи, что я буду убивать всѣхъ, кого мнѣ велитъ убивать. Что же дѣлать мнѣ, частному человѣку? Какъ мнѣ рѣшить, что священо, гдѣ истинный Богъ—въ заповѣди ли о непротивленіи злему, или въ учрежденіи верховной власти, христолюбиваго воинства и присяги? Я—мужикъ и меня выбираютъ въ старшины, въ судьи, въ присяжные, заставляя присягать, судить, наказывать. Что мнѣ дѣлать? Опять я долженъ выбирать между заповѣдами Христа и человѣческими требованіями. Я—монахъ и живу въ монастырѣ. Мужики отняли нашъ

¹⁾ Стран. 12—15 въ Worin besteht mein Glaube. Русскій текстъ этого сочиненія, напечатаннаго у насъ въ литографированномъ изданіи, видимо былъ исправленъ гр. Толстымъ предъ окончаніемъ иностраннымъ переводчикомъ...

покою, и меня посылаютъ участвовать въ борьбѣ со зломъ,—просить въ судѣ на мужиковъ. Опять я долженъ выбирать. Ни одинъ человѣкъ не можетъ уйти отъ этого вопроса. Я не говорю уже о нашемъ сословіи, дѣятельность котораго почти вся состоитъ въ противленіи злу. Таковы: военные, судейскіе, администраторы. Нѣтъ такого частнаго человѣка, которому бы не предстояло это рѣшеніе между служеніемъ Богу, исполненіемъ Его заповѣдей, или служеніемъ учрежденіямъ государственнымъ. Личная моя жизнь переплетена съ общественно-государственной жизнью, а послѣдняя требуетъ отъ меня дѣятельности нехристіанской, прямо противной заповѣдямъ Христа. Теперь, съ общей воинской повинностью и участіемъ всѣхъ въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ, дилемма эта съ поразительной рѣзкостью поставлена предъ всѣми. Каждый человѣкъ долженъ взять орудіе убійства—ружье, саблю, и если не убить, то зарядить ружье, отточить саблю, т. е. быть готовымъ на убійство. Всякій гражданинъ долженъ придти въ судъ, принять присягу и быть участникомъ суда и наказаній, т. е. каждый долженъ отречься отъ заповѣди Христа о непротивленіи злу,—отречься не словомъ только, но и самымъ дѣломъ ¹⁾). Какъ же поступать людямъ во всѣхъ этихъ случаяхъ?

Придетъ войною непріятель, или просто злые люди нападутъ на меня, думалъ я прежде,—замѣчаетъ о себѣ гр. Толстой,—и если я не буду защищаться, то они оберутъ насъ, осрамятъ, измучаютъ и убьютъ меня и моихъ близкихъ. Прежде казалась мнѣ странною такая уступчивость злымъ. Теперь же все, смущавшее меня прежде, кажется мнѣ радостнымъ и подтверждаетъ истину. Я знаю теперь, что непріатели, злодѣи, разбойники и всѣ подобные имъ люди суть такіе же сыны человѣческіе, какъ и я, такъ же любятъ добро и ненавидятъ зло ²⁾), какъ и я, такъ же живутъ наканунѣ смерти, такъ же, какъ и я, ищутъ спасенія и найдутъ его только въ ученіи Христа. Всякое зло, которое они сдѣлаютъ мнѣ, будетъ зломъ для нихъ, а потому они должны дѣлать

¹⁾ Ibid. Стр. 25—27.

²⁾ Это расклевываніе разбойниковъ всякихъ дурныхъ людей гр. Толстой дѣлаетъ съ цѣлю показать съ нихъ зину на государственно-общественный строй...

мнѣ добро. Если же истина неизвѣстна имъ, и они дѣлають зло, считая его благомъ, то вѣдь я знаю истину только для того, чтобы показать ее невѣдующимъ ея. Показать же ее имъ я не могу ничѣмъ, кромѣ отреченія отъ участія во злѣ и исповѣданія истины самымъ дѣломъ. Придутъ непріатели—нѣмцы, турки, дикари, и если вы не будете воевать,—говорятъ обыкновенно,—то они перебьютъ васъ. Это—неправда. Если бы существовало общество христіанъ, не дѣлающихъ никому зла и отдающихъ весь излишекъ своего труда другимъ людямъ, то никакіе непріатели—ни нѣмцы, ни турки, ни дикіе—не стали бы убивать или мучить такихъ людей. Они брали бы себѣ все то, что и такъ отдавали бы эти люди, для которыхъ нѣтъ различія между русскимъ, нѣмцемъ, туркомъ и дикаремъ. Если же христіане находятся среди общества нехристіанскаго, защищающаго себя войною, и христіанинъ призывается къ участию въ войнѣ, то тутъ-то и является для христіанина возможность помочь людямъ, не знающимъ истины. Свидѣтельствовать же о ней можетъ онъ только самымъ дѣломъ. Дѣло это состоитъ въ отреченіи отъ войны и въ оказываніи всякаго добра людямъ, безъ различенія такъ называемыхъ враговъ и своихъ. Но не непріатели, а свои же злые люди нападутъ на семью христіанина и, если онъ не будетъ защищаться, оберутъ, измучаютъ, убьютъ его и его близкихъ. Это опять несправедливо. Если всѣ члены семьи суть христіане и потому полагаютъ свою жизнь въ служеніи другимъ, то не найдется такого безумнаго человѣка, который лишилъ бы пропитанія или убилъ тѣхъ людей, которые служатъ ему. Миклуха-Маклай поселился среди самыхъ звѣрскихъ, какъ говорятъ, дикарей, но они не только не убили, а напротивъ—полюбили его и покорились ему лишь потому, что онъ не боялся ихъ, ничего не требовалъ отъ нихъ и дѣлалъ имъ добро. Если же христіанинъ живетъ среди нехристіанской семьи и близкихъ, защищающихъ себя и свою собственность насиліемъ, и христіанинъ призывается къ участию въ этой защитѣ, то этотъ призывъ и есть для христіанина призывъ къ исполненію долга своей жизни. Христіанинъ только для того и знаетъ истину, чтобы